

A high-contrast, artistic photograph of a pregnant woman in profile, facing left. She is silhouetted against a vibrant, textured orange background that resembles crumpled paper or parchment. Her hands are gently cradling her belly. The lighting is dramatic, highlighting the contours of her body.

Анна Толмачева

БЕРЕМЕННА СОБОЙ

Анна Толмачева
БЕРЕМЕННА СОБОЙ

<https://litres.ru/74176439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оранжевый фон, тонкие линии напоминающие силуэт беременной женщины. Стильный цвет на пересечении цвета апельсина и солнца

Содержание

Глава	4
Часть первая. Зачатие	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Толмачева

БЕРЕМЕННА СОБОЙ

Глава

БЕРЕМЕННА СОБОЙ

рассказ

Я думаю, что все женщины, которые были беременны, меня поймут — что значит быть беременной.

Я была беременна восемь раз, и восемь раз меня выворачивал токсикоз, восемь раз я набирала вес и сдавала анализы каждую неделю, пила витамины горстями, слушала классическую музыку, молилась и рожала, чтобы после каждых родов войти в то особенное состояние, близкое к святому или просветлённому, — потому что такой самоотдачи я больше не испытывала ни в чём и никогда. Я могла не спать по трое суток и при этом развозить старших по школам и кружкам, что-то готовить, убирать, а между делом ещё и составлять план на день с непременно целями напротив каждого пункта; ещё бы чуть-чуть, и я, кажется, начала бы левитировать над кухней. Шучу, конечно. Я стирала, готовила, ду-

мала, выглядела прилично, хотя это давалось мне всё большим усилием, и всё это время мечтала только об одном — чтобы во мне наконец нашёлся тот самый выключатель, которым можно себя отключить. Но выключатель в моём случае не работал никогда, не работает и теперь.

Вот тогда-то, где-то между восьмой пелёнкой и очередным планом на день, у меня и появилась эта странная мысль — забеременеть собой.

Звучит, я понимаю, дико, и в голове от таких слов рождаются картинки, за которые в приличном обществе неловко, — но всё это только на первый, самый поверхностный взгляд.

Согласитесь ведь, что стоит нам родить, как мы в ту же секунду теряем свой высокий статус святой женщины и разжалуемся обратно в рядовые: теперь можно и в магазин самой сбегать, и убрать, и вымыть, а те особенные знаки внимания, которыми окружали беременную, отменяются как излишество. Ты же всё, ты справилась, ты совершила своё чудо и получила своё счастье — то самое, которого так хотела, — а значит, дальше уж будь любезна нести его сама, не жалуясь.

И я не спорю — да, тысячу раз да, — но дело совсем не в этом. Дело в том удивительном законе природы, по которому беременная женщина вызывает у всех вокруг произвольный трепет, хотя ей самой, оглушённой собственными гормонами, до этого трепета нет никакого дела. А вот стоит ей родить — и сакральный ореол гаснет, и она в одну ночь

превращается из кареты в тыкву: клеймо снято, серьга выдернута, перья ощипаны. Теперь она словно бы рангом ниже той, вчерашней, беременной: место в транспорте ей не уступят, вперёд без очереди не пропустят, и никого не тронет, что дома у неё надрывается младенец, а молоко течёт прямо сквозь блузку. Я же, напротив, в каждой встречной женщине научилась угадывать ту беременную, какой она когда-то была, — и от этого угадывания на душе у меня делается неизъяснимо тепло.

Мой муж во время беременности делал мне массаж ног, помогал одеться, подавал руку на лестнице так бережно, будто я была фарфоровой. Но после каждого рода он снова перевоплощался в супергероя, спасающего мир где-то за пределами нашей квартиры, и на такие мелочи у него уже не находилось ни минуты; иногда я даже думаю, что вся та нежность мне попросту примерещилась под действием окситоцина или какого-нибудь ещё коварного гормончика. И, если уж быть до конца честной, решение родить следующего ребёнка отчасти всякий раз вырастало из тайного желания снова оказаться под этой бескрайней заботой, снова стать той, которой можно всё — и капризы, и слабости, и просьбы среди ночи.

Так вот, отдав добрую половину себя и своей жизни детям и семье, я вдруг ощутила странное, почти неприличное по силе желание — забеременеть собой. Видимо, именно в этом нелепом словосочетании до меня наконец достучалась

та высокая, безусловная любовь, та самая Агапе, которую я, оказывается, всю жизнь умела дарить кому угодно, кроме себя, — а теперь могла бы подарить и себе, бережно вынашивая себя в собственной утробе. Надеюсь, вы понимаете, что я говорю образно.

Я подумала, что и себе ведь могу подарить всё то же самое: чёткий режим дня, обязательные прогулки на свежем воздухе, музыку по вечерам, сбалансированную еду без спешки, массаж ног, законное право не бежать никуда по делам — и ту заботу окружающих, которой устаивают только тех, кто носит внутри новую жизнь.

И я стала готовиться к зачатию.

Часть первая. Зачатие

В ту самую секунду, когда сперматозоид проникает в яйцеклетку, происходит крошечный, но настоящий взрыв, и в этом взрыве рождается новая пульсация — совершенно иная, отдельная, ни на что не похожая. Именно с попытки устроить себе такой внутренний взрыв я и начала, а начав, тут же обнаружила, что понятия не имею, как это делается.

Здесь мой рассказ, как в старой тетради, обрывается на полуслове: я и сама уже не помню, какое хитрое упражнение собиралась проделать, чтобы забеременеть собой, — уж простите мне эту забывчивость сорокапятилетней женщины, у которой в голове одновременно бродят восемь расписаний и один рецепт сырников. Но взрыв ведь и вправду случается — рождение новой энергии, нового сердца, новой крови, — и в обычном деле для этого нужны две полярные силы, плюс и минус, которые тянутся друг к другу и, простите за грубость акушерки, натес, получите. Вопрос лишь в том, как быть той, у которой под рукой нет никакого партнёра, кроме себя самой.

И я рассудила, что раз уж я одна и за плюс, и за минус, то мне придётся свести вместе две собственные противоположные природы. Есть во мне тёмная, теневая сторона — та, что обожает сесть за руль и ехать в никуда просто ради движения, любит шумные компании, поздние возвраще-

ния и разные запретные глупости, но зато выглядит всегда безупречно: подтянутая, лёгкая, со светлыми волосами и той самой талией, о которой добрая половина меня может только вздыхать. А в противоположном углу живёт вторая я — милосердная, вечно кого-то спасающая, готовая отдать последнее любому обиженному судьбой, но обходящая зеркала стороной. Вот этим двоим — легкомысленной красавице и утомлённой праведнице — и предстояло наконец сойтись, чтобы во мне зародилась какая-то третья, новая Я. Напомню на всякий случай, что было мне тогда сорок пять, — самый, что называется, возраст задуматься о собственном рождении, спускаясь при этом с горки не то чтобы совсем уж на тормозах.

Как выглядит зарождение жизни, я знаю не по учебникам, а по восьми собственным беременностям и сотням разглядываемых снимков: сердце начинает биться почти сразу, появляется своя, отдельная кровь, гены заранее поделены на материнские и отцовские, — и одному Богу известно, что достанется моей новой девочке от легкомысленного плюса, а что от милосердного минуса.

Но пока жизнь во мне ещё не затеплилась, я, как положено, готовлюсь морально — и, разумеется, тут же нахожу тысячу причин отложить главное. Ах да, мне ведь неплохо бы сбросить килограммов двадцать, прежде чем... Вот этим-то я немедленно и займусь — не ради себя, для себя у меня, как всегда, не находится ни сил, ни времени, а исключительно

ради будущего ребёнка, потому что на ребёнка во мне энергии хоть отбавляй, такая уж, видно, порода.

Процесс похудения торжественно объявлен и даже вроде бы пошёл, но времени на себя всё равно нет как нет — или это, если называть вещи своими именами, обыкновенная моя лень, ловко переодетая в занятость. Зато маникюр и педикюр в полном порядке, в квартире наведён образцовый уют, и я даже наклеила на стену новое панно; хочется, конечно, замахнуться на настоящий ремонт, но я благоразумно решаю сделать пока лишь то, что по силам одним моим рукам.

Прошло сколько-то дней, а я всё ещё не беременна собой — не выходит, хоть плачь. Может, стоит сдать какие-нибудь анализы? Организм-то, кажется, давно готов, он прямо-таки томится в ожидании самого себя, а зачатие всё не случается, — вот ведь незадача.

Тогда я решила подойти к делу со всей возможной научной основательностью — с той самой, с какой в своё время подошла к замужеству. Я завела красивую тетрадь, вывела на обложке с завитком «Дневник зачатия» и сделала первую торжественную запись: «День первый. Ничего». Через неделю появилась вторая, не менее содержательная: «День восьмой. По-прежнему ничего, но я купила себе апельсины». Апельсины, замечу, были принципиальны: беременной ведь полагаются апельсины, а раз я твёрдо намерена ею стать, надо входить в роль загодя — так актёр начинает чувствовать

себя королём ещё в гримёрке, задолго до первого выхода на сцену.

Муж, обнаружив на столе непривычную горку апельсинов, немедленно встревожился и спросил, не заболел ли, часом, кто-нибудь из детей. Услышав, что апельсины эти — для меня и только для меня, он посмотрел на жену тем особенным долгим взглядом, каким смотрят на человека, который вслух беседует сам с собой в очереди, и молча удалился к телевизору смотреть новости. Новости у мужа были святое: мир исправно рушился каждый вечер ровно в девять, и муж лично, с чувством глубокой ответственности, следил за этим крушением, чтобы в случае чего оказаться в курсе.

А я осталась на кухне одна, чистила апельсин, и мне впервые за долгие годы пришло в голову, что вот прямо сейчас, в эту самую минуту, где-то в глубине меня должна произойти важнейшая встреча — свидание вслепую двух женщин, которые уже четверть века живут в одном теле и упорно делают вид, что не знакомы. Добрая я вечно осуждала стройную за ветреность и запретные глупости, а стройная, в свою очередь, считала добрую занудой, которая всех вокруг спасает, а сама ходит по дому в халате с оторванной пуговицей. Двадцать пять лет эти две сестры делили одну тесную комнату, не в силах ни поладить, ни разъехаться, потому что комната была всего одна — и комнатой этой была я.

И я поняла, что для зачатия новой себя мне нужно всего-навсего добиться, чтобы эти двое наконец хотя бы поздно-

ровались. Не помирились — на такое чудо я, реалистка с восемью родами за плечами, не рассчитывала, — а просто признали очевидное: что живут вместе, что одна без другой всегда выходит лишь половинкой женщины. Тонкая талия без милосердия — это, если вдуматься, всего лишь нарядная вешалка, а милосердие без тонкой талии — это я, в том самом халате с оторванной пуговицей, у плиты, в семь утра.

Я налила себе чаю, села посреди пустой кухни и сказала вслух, обращаясь непонятно к кому: «Девочки, ну давайте попробуем, а?» Никто, конечно, не ответил — ни стройная, ни добрая, ни даже холодильник. Апельсин в моих руках пах далёким детством, за стеной по расписанию бубнил телевизор, обрушивая в эфир очередной конец света, а я всё сидела и терпеливо ждала своего крошечного внутреннего взрыва, чувствуя себя одновременно и роженицей, и повитухой, и не родившимся пока ребёнком.

И, знаете, что-то ведь дрогнуло. Не взрыв, нет, до взрыва было ещё далеко, — а так, едва уловимое движение, будто кто-то внутри устало повернулся с боку на бок, устраиваясь поудобнее на долгие месяцы вперёд. Может, это был всего лишь апельсин, не вовремя съеденный на голодный желудок. А может быть, всё уже началось, и я просто по привычке не осмелилась в это поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.